

Александр Николаевич Самойлович

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

В. Д. Аракин

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ А. Н. САМОЙЛОВИЧА

Блестящий знаток многих тюркских языков, талантливый исследователь духовной культуры тюркских народов, любимый ученик проф. П. М. Мелиоранского, чье имя он неоднократно с благоговением произносил на своих увлекательных, изобилующих богатым и разносторонним фактическим материалом лекциях в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ), Александр Николаевич Самойлович сложился как ученый-тюрколог в ту эпоху, когда в языковедении господствовало научное направление младограмматизма.

Ближайшие и непосредственные учителя А. Н. Самойловича проф. П. М. Мелиоранский, рано ушедший из жизни, и «богатырь тюркологии»¹ акад. В. В. Радлов (1837—1918) в многочисленных и строгих по своему подходу научных исследованиях также разделяли взгляды этой лингвистической школы и, следовательно, стояли на позициях сравнительно-исторического языковедения. Основой их исследовательских приемов был сравнительно-исторический метод, который определяется как «система научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для построения картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы»².

Как явствует из приведенной цитаты, одним из основных положений сравнительно-исторического метода служит допущение о том, что современные родственные языки, т. е. языки, имеющие материально-тождественные корневые и грамматические морфемы и строгие фонетические соответствия, образуют группу или семью

---

¹ А. Н. Кононов, В. В. Радлов и отечественная тюркология, — «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972, стр. 14.

² И. Добронравов, Конвенционализм, — «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964 (цит. по: «Общее языковедение. Методы лингвистических исследований», М., 1973, стр. 12).

родственных языков, восходящих в далеком прошлом к одному общему предку, именуемому языком-основой. Одной из задач сравнительно-исторического языкознания является учет материальных и структурных компонентов сопоставляемых языков и определение степени их взаимной близости, вследствие чего возникает возможность объединения языков в близкородственные языковые группы, а последних — в историко-генетическую классификацию определенной семьи языков.

Для тюркских языков были разработаны такие классификации, основанные на учете только одних фонетических критериев (В. В. Радлов ³) и на сочетании фонетических и морфологических критериев (Ф. Е. Корш ⁴). Однако они были далеко не полными, так как вследствие тогдашнего уровня тюркологии не охватывали все тюркские языки.

Так, акад. В. В. Радлов в своей классификации исключал чувашский и якутский языки, считая первый тюркизированным языком угро-финской семьи, а якутский — тюркизированным языком «неизвестного происхождения», смешавшимся впоследствии с монгольским. Этой точки зрения В. В. Радлов придерживался всю свою жизнь.

Фундаментальные исследования Н. И. Ашмарина, в которых он доказал ближайшее родство чувашского и болгарского языков ⁵, строгие системные фонетические соответствия между чувашским, с одной стороны, и другими тюркскими языками — с другой (явление ротацизма и ламбдаизма, соответствие чувашского *ç* в начальной позиции согласным *й-, дж-, ж-, ч-* других тюркских языков и т. д.), создали надежные основания для отнесения чувашского языка к числу тюркских языков. То же можно сказать и о якутском языке, также признанном тюркским языком. Отход от точки зрения В. В. Радлова ясно виден в классификации Ф. Е. Корша, который включил эти два языка в свою классификацию, хотя и объединил их в одну группу, названную им смешанной.

Исследование древнетюркских элементов в современном венгерском языке, проведенное З. Гомбоцем ⁶, блестяще подтвердило те фонетические характеристики болгарского языка, которые были намечены Н. И. Ашмариным.

³ W. W. Radloff, Vergleichende Grammatik der nördlichen Türk sprachen, Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882—1883. Классификация тюркских языков дана в разделе «Classification der Türk-Dialecte nach den phonetischen Erscheinungen», стр. 280—291.

⁴ Ф. Е. Корш, Классификация тюркских племен по языкам, — «Этнографическое обозрение», М., 1910, кн. 84—85.

⁵ Н. И. Ашмарин, Болгары и чуваша (К вопросу о волжских болгарях и их отношении к нынешним чувашам), Казань, 1902.

⁶ Z. Gombocz, Die bulgarische-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, — MSFOu, 1913, XXX.

А. Н. Самойлович, которому к началу 20-х годов нашего столетия было известно значительно больше конкретных данных и реально существующих тюркских языков, чем, может быть, его учителям, не только не опроверг названные выше классификации, но, наоборот, внес в них существенные «некоторые дополнения», как он скромно назвал свой труд, и тем самым сделал удачную попытку утвердить в науке результаты, добытые с помощью приложения к тюркским языкам сравнительно-исторического метода.

Именно учет сравнительных данных тюркских языков дал А. Н. Самойловичу твердые основания для: 1) выделения в составе этих языков еще одной, шестой, по сравнению с предшествующими классификациями, группы тюркских языков — болгарской, со включением в нее болгарского, хазарского и чувашского языков; 2) определения места якутского языка в составе особой подгруппы северо-восточной, или уйгурской, группы.

Внося существенные дополнения в классификацию тюркских языков, А. Н. Самойлович исходил из наличия некоего или неких языков-основ, из которых со временем развилась данная группа современных тюркских языков. Так, говоря о юго-западной группе тюркских языков, он высказывает мысль о том, что «в основе всех тюркских языков и наречий рассматриваемой группы лежит старый огузско-туркменский язык, на котором говорили огузы (гуззы, узы). . .»⁷. Несколько выше он пишет: «Большинство современных турецких (т. е. тюркских. — В. А.) народов, говорящих на языках и наречиях северо-западной группы, по своему происхождению связаны со старым народом кыпчаков (иначе, половцы, куманы), по имени которого эту группу можно было бы назвать кыпчакской»⁸. Аналогичная мысль высказана и в отношении третьей группы: «Заключая в себе старые и современные языки восточной или точнее северо-восточной части турецкого мира, она может также именоваться *северо-восточной* (в противоположность *юго-западной*), а по основному своему языку — уйгурской . . .»⁹.

Из сказанного явствует, что генетическое родство тюркских языков воспринималось А. Н. Самойловичем как вполне реальный, не вызывающий сомнения факт. Иначе говоря, А. Н. Самойлович разделял одно из основных положений сравнительно-исторического языкознания.

Особенностью предложенной классификации следует считать то, что ее автор, А. Н. Самойлович, не считал для себя возможным оперировать широко распространенным в то время в науке понятием гипотетического тюркского праязыка. Его утверждения ограни-

⁷ А. Н. С а м о й л о в и ч, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922, стр. 16.

⁸ Там же, стр. 10.

⁹ Там же, стр. 9.

чилились лишь признанием наличия нескольких древних тюркских языков — туркменского, кыпчакского, уйгурского, болгарского, из которых впоследствии развились современные тюркские языки. Все эти языки представлены письменными памятниками, и поэтому реальность их существования и постепенное выделение из них современных языков не подвергаются сомнению.

В то же время А. Н. Самойлович прекрасно понимал, что условия, при которых станет возможным и реальным дать полноценную, соответствующую действительности классификацию тюркских языков, появятся значительно позднее. В связи с этим он писал: «Попытки классифицировать турецкие (т. е. тюркские. — В. А.) языки увенчаются окончательным успехом, кто бы их ни предпринимал, не ранее чем завершится сравнительно-историческое изучение этих языков, т. е. весьма еще не скоро»¹⁰. Эти слова свидетельствуют о том, что ученый видел пути дальнейшего развития тюркологии как развитие одного из разделов сравнительно-исторического языкознания.

Однако уровень науки о тюркских языках — тюркологии — был тогда явно недостаточен для всестороннего исследования этих языков в сравнительно-историческом плане: целый ряд тюркских языков — башкирский, кумыкский, каракалпакский, гагаузский и многие другие — еще не был сколько-нибудь описан. Зная это, А. Н. Самойлович призывает своих коллег-тюркологов прежде всего заняться описанием современных тюркских языков. Он пишет о необходимости «обрабатывать свое собственное поле, чтобы наилучшим образом подготовить почву для сравнительных работ более широкого алтайского, урало-алтайского и т. д. масштабов»¹¹.

Бурное развитие исследований в области тюркологии как в центре, так и в тюркоязычных республиках Советского Союза значительно ускорило этот процесс. Уже в начале 50-х годов нашего столетия стало возможным на основе учета многочисленных и разнообразных фактов тюркских языков, и в их числе языков, мало известных к моменту опубликования А. Н. Самойловичем своего труда «Некоторые дополнения. . .», разработать новые классификации тюркских языков — классификации С. Е. Малова¹² и Н. А. Баскакова¹³, получившие в настоящее время общее

¹⁰ Там же, стр. 3.

¹¹ А. Н. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», Л., 1927, стр. 156.

¹² С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, — ИАН СССР, 1952, № 2, стр. 135—143.

¹³ Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, — «Труды Ин-та языкознания АН СССР», 1952, т. I, стр. 7—57.

распространение. За рубежом в это же время появились классификации И. Бенцинга и К. Г. Менгеса¹⁴. Эти работы, пополненные новыми данными, добытыми в наше время, не только не отрицают того, что предложил А. Н. Самойлович, но, наоборот, дополняют, развивают и уточняют основные положения разработанной им классификации тюркских языков.

Сравнительно-исторический метод исходит из положения о том, что звуковая система каждого из ныне существующих языков, входящих в группу родственных языков, представляет собой продукт постепенного и закономерного развития звуковой системы, существовавшей в языке-основе. Благодаря этому наука имеет полную возможность проследить эволюцию каждой отдельной фонемы в данном конкретном языке с древнейших эпох до настоящего времени. К этому следует еще прибавить тот непреложный факт, что закономерный характер фонетических изменений имеет массовое проявление, т. е. конкретное изменение охватывает соответствующую фонему во всех словах, где она встречается. И наконец, фонетические изменения происходят объективно, не зависят от сознательной воли людей, но распространяются на всех членов данного языкового коллектива, за исключением носителей диалектов, на которых данное фонетическое изменение может и не распространяться.

Все эти свойства сравнительно-исторического метода дают в руки лингвиста-компаративиста точное и безотказное орудие исследования, с помощью которого исследователь может проникать в такие глубины истории человеческого общества, когда этнография и антропология и даже палеонтология остаются немymi.

А. Н. Самойлович, видимо, полностью признавал эти положения сравнительно-исторического метода. И хотя среди его трудов мы не найдем специальных работ, в которых бы исследовались проблемы изменений звуковой системы языка в тот или иной период его развития, тем не менее ряд своих выводов и весьма ценных заключений он делал именно на основании учета закономерных звуковых изменений.

Как он сам отмечает, разработанная им классификация, как и классификация В. В. Радлова, «построена исключительно по фонетическим признакам»¹⁵. В самом деле, исключение из восточной группы по классификации Ф. Е. Корша чагатайского и полонец-

¹⁴ J. B e n z i n g, K. H. M e n g e s, Classification of Turkish languages, — PhTF, t. I, 1959, стр. 1—10; K. H. M e n g e s, The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, Wiesbaden, 1968, стр. 58—66.

¹⁵ А. Н. С а м о й л о в и ч, Некоторые дополнения к классификации. . . , стр. 14.

кого языков, по существу совершенно правильное, произведено А. Н. Самойловичем только на основании учета единственного фонетического критерия — наличия интервокального *-й-*, характерного для языков кыпчакских, в противоположность дентальному согласному в том же положении в других тюркских языках.

Подразделение восточной группы на три подгруппы произведено также на основании учета характера интервокального согласного и его системных соответствий в остальных тюркских языках. «Делая еще один шаг вперед по пути неизбежного увеличения признаков классификации, — писал А. Н. Самойлович, — я ввожу дополнительно к фонетическому признаку Корша еще один тоже фонетический, который я считаю основным и который позволяет уточнить классификацию во всем ее объеме. Признак этот — чередование звуков: „д (т), з (с), й“ в середине и на конце слов: адак, атак, азак, аяк „нога“, код, кот, кос, кой „положи“»¹⁶. Выделение особой болгарской группы, объединяющей болгарский, хазарский, а из современных — чувашский язык, по единственному фонетическому признаку соответствия *з—р*, например, орх. *токуз* / чув. *тăх(x)ăр* 'девять', который автор относит «к категории первостепенных»¹⁷, определение встретившегося в древнерусской летописи «единственного заимствования из болгарского языка — слова *турун*», которое было сопоставлено с формой *тудун* в хазарском, аварском и старотурецком языках на основании учета звукового соответствия *đ—р*, — все эти данные, равно как и те, которые были изложены выше, говорят с достаточной убедительностью о том, что А. Н. Самойлович в своих исследованиях широко использовал принципы системных фонетических соответствий, что, как уже упоминалось выше, характерно для сравнительно-исторического метода.

Одной из основных задач сравнительного языкознания всегда было исследование истории отдельного языка или группы родственных языков. Любая история общественных явлений, в том числе и история конкретного языка, всегда сталкивается с проблемой периодизации истории данного общественного явления. Во времена А. Н. Самойловича разработка и создание истории отдельного тюркского языка наталкивались на серьезные трудности. Прежде всего, необходимо отметить, что в то время наука еще не произвела учет и инвентаризацию конкретных данных по языкам и не исследовала материал обильных рукописей, хранящихся в восточных отделах наших государственных книгохранилищ. Далее, существование общих литературных языков для ряда тюркских народов, как, например, уйгурского в Джу-

¹⁶ Там же, стр. 8.

¹⁷ А. Н. Самойлович, Турун-тудун. (Еще пример турко-болгарского ротацизма), — СМАЭ, т. 5, вып. 1, 1918, стр. 398—400.

чиевом улусе, очень заметно нивелировало характерные индивидуальные черты местных тюркских языков. Наконец, недостаточная изученность развития звуковой системы и грамматического строя отдельных языков также служила серьезным тормозом на пути разработки как критериев, так и самой периодизации истории данного тюркского языка.

А. Н. Самойлович был едва ли не первым ученым среди тюркологов, который сделал попытку наметить периодизацию одного из тюркских языков, бытовавших на территории Средней Азии. Для того чтобы определить периоды истории любого языка, необходимо разработать строгие лингвистические критерии, которые в своей совокупности характеризуют данный период истории языка. В отношении истории тюркских языков такие критерии еще не были разработаны. Что же касается языковой ситуации в Средней Азии, где в период с XII по XVI в. происходила постоянная смена состава населения, государственных границ, политической власти, то установление характеристик языка определенной эпохи приобретает исключительно важное значение.

А. Н. Самойлович принял в качестве основного критерий лексический. Он пристально изучил словарный материал «Мухаббат-наме» Хорезми (XIV в.), «Кысса-и Юсуф» Али (XIII в.) и «Хосров и Ширин» Кутба (XIV в.), сопоставив его со словарным материалом других литературных произведений, возникших в Средней Азии. Анализ лексики с убедительностью показал, что язык «Мухаббат-наме» и «Кысса-и Юсуф» отличается от чагатайского языка, в противовес существовавшему тогда мнению. Фонетические особенности — отсутствие конечных *g* и *ɟ* в аффиксе *-лы/-ли/-лу/-лю/-лү*, отсутствие начальных *g*, *ɟ* в аффиксе дательного падежа, отсутствие *n* перед аффиксом 3-го лица в дательном, исходном и местном падежах; наличие формы *-jур* в причастиях с основами на гласный, употребление глагольной формы с аффиксом *-ысар* — все это также отличает язык «Мухаббат-наме» от произведений, написанных на чагатайском языке.

Это исследование дало ученому возможность выдвинуть совершенно новое деление по периодам языка, который он в отличие от традиционного наименования «чагатайский» или «восточно-турецкий» предлагает называть «единым среднеазиатско-турецким литературным языком исламской эпохи»¹⁸. Принципиально новым в этом выводе следует считать признание многовековой непрерывной языковой традиции в Средней Азии, уводящей нас к XI—XII вв., в отличие от прежнего взгляда о наличии якобы сменявших друг друга языков. Намечаются следующие периоды

¹⁸ А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 21.

истории среднеазиатско-турецкого языка: первый период — караханидский, охватывающий XI—XII вв., в течение которого этот язык был распространен на территории Караханидского государства (ок. 932—ок. 1165); второй — огузско-кыпчакский, охватывающий период XIII—XIV вв., когда этот язык распространялся на территории с центрами в бассейне нижнего течения Сырдарьи и в Хорезме; третий период — охватывающий XV—XX вв. (за языком закрепляется название языка «чагатайского» периода, распространенного на оседлой части территории Чагатайского улуса). На этом языке написаны произведения Алишера Навои (1441—1501), Захираддина Мухаммада Бабура (1483—1530) и ряда других авторов. Четвертый период — это период развития и становления литературного узбекского языка.

Тот же метод был использован для определения языка одного из крымскотатарских памятников XVII в. — документа, адресованного министром хана Селим-Гирея I, Бехадыр-агой, русскому князю В. Д. Голицыну. Внимательный анализ фонетических особенностей, в том числе наличие аффиксов *-ы5* и *-у5*, аффикса *-лы*, равно как и исследование словарного материала документа, позволили ученому определить язык этого документа как язык кыпчакских степей, еще и в XVI в. отчетливо сохранявший свой кыпчакский тип, несмотря на то что культурное влияние Турции, в состав которой тогда входило Крымское ханство, давало себя ясно чувствовать, что в достаточно сильной степени сказалось также и на языке ¹⁹.

С разработкой истории языка неразрывно связана деятельность по прочтению, толкованию, а во многих случаях и исправлению древних текстов. Это имеет исключительно важное значение в отношении текстов, написанных древнеуйгурским и в особенности арабским алфавитом, где, как известно, буквы различаются между собой положением в начале, середине или конце слова и количеством точек над или под соответствующей буквой.

Особое место среди древних текстов занимают ханские ярлыки. К сожалению, до нас не дошли ханские ярлыки первой половины XIV в., выданные русским митрополитам; сохранились лишь переводы на русский язык, которые были тщательно исследованы В. В. Григорьевым (1816—1881) в отношении синтаксической структуры и лексики, доказавшим их соответствие исчезнувшим оригиналам ²⁰.

¹⁹ А. Н. Самойлович, К истории крымско-татарского литературного языка, — «Вестник Научного общества татароведения», 1927, № 7, стр. 27—33.

²⁰ В. В. Григорьев, О достоверности ярлыков, данных ханам Золотой орды русскому духовенству, СПб., 1842.

Публикация же сохранившихся подлинников ярлыков начинается лишь в первой половине XIX в.²¹.

Комментирование же дошедших до нас ярлыков начинается позднее, в трудах И. Н. Березина (1818—1896)²² и В. В. Радлова²³.

Однако состояние тюркологии того времени, уровень критического изучения древних текстов еще не достигли той высоты, которая давала бы возможность правильно истолковать недостаточно ясные места текста.

А. Н. Самойлович, с его глубоким знанием материала тюркских языков, не только современных, но также и древних, внес свою лепту в проблему уточнения и исправления текста дошедших до нас ярлыков²⁴. Так, в тексте ярлыка Тохтамыш-хана от 1381 г., написанного уйгурским алфавитом на имя крымца Бек-хаджи, А. Н. Самойлович обнаружил слова, которые были прочитаны И. Н. Березиным как *tib Temir Pulad* и которые показались ему недостаточно исторически обоснованными. Применяя метод сравнения этого неясного места с данными других текстов, в данном случае с текстом копии ярлыка Темир-Кутлуга, А. Н. Самойловичу удалось буквально расшифровать его и предложить новое чтение неясного места как *tidimiz* 'мы сказали' вместо непонятных слов *tib Temir*, что позволило ему определить этот ярлык как «изначальный», а не как «подтвердительный», т. е. позволило не только правильно прочесть самый текст, но и определить его историческую значимость.

В тексте ярлыка Тохтамыш-хана от 1393 г., адресованного литовскому великому князю Ягайле, наряду с довольно многочисленными мелкими исправлениями А. Н. Самойлович обратил внимание на перевод на русский язык встретившегося в ярлыке слова в форме винительного падежа *kilecingni*, которое у И. Н. Березина было переведено как «присланника», а у В. В. Радлова — как «челобитчиков», т. е. во множественном числе. Тщательный анализ этого слова по данным различных словарей как с точки зрения его звуковой формы, так и со стороны

---

²¹ В. В. Григорьев, Ярлыки Токтамыша и Сеадет Геря, — ЗООИД, 1844, т. I.

²² И. Н. Березин, Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и Сеадет-Геря, с введением, переписью, переводом и примечаниями, Казань, 1851; е го же, Тарханные ярлыки крымских ханов (Ярлык Менгли-Геря Ходжа Бию), — ЗООИД, 1872, т. VIII; е го же, Ярлыки крымских ханов Менгли-Геря и Мухаммед-Геря, — там же.

²³ В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга, — ЗВОРАО, 1889, т. 3.

²⁴ А. Н. Самойлович, Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга, — ИРАН, сер. 6, 1918, № 10, стр. 1109—1124; е го же, Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана, — ИТОИАЭ, 1927, т. I (58), стр. 141—144.

его значений убедил А. Н. Самойловича в том, что слово *kileci* в данном ярлыке следует переводить как «вестник». Попутно следует отметить, что это слово в форме «киличей» со значением «посол», «гонимец» появляется в русском языке с середины XIV в.

Тот же метод истолкования темных мест в старых текстах путем широкого привлечения сравнительных фонетических и морфологических данных родственных языков, сопоставления их словарного состава помог А. Н. Самойловичу не только хорошо понять оригинальный текст, но также дать связный перевод одного стиха в «Кутадгу-билиг», в котором сомнения вызвали два слова *alik* и *kylbys*, оставленные В. В. Радловым и В. Томсеном без внимания. Они были расшифрованы благодаря учету родственных слов в якутском и сойотском (современный тувинский) языках. Как выяснилось, непонятное слово *alik* означает «самец косули», а *kylbys* — «самка косули»²⁵.

В другом случае учет фонетических закономерностей и соответствий в близкородственных языках позволил А. Н. Самойловичу определить недостаточно ясное слово *бууз*, встретившееся в небольшой надписи на глиняном кувшинчике, выполненной арабским шрифтом. В этом слове А. Н. Самойлович видит слово *бозуз* 'глотка', в котором древнетюркское *б* > *w* в кыпчакских языках не позднее XIV в. Другим сомнительным словом было слово *юлуг* 'жертва', для разъяснения которого ученый привлек большой материал памятников среднеазиатских и половецких. Все данные, извлеченные им из языкового материала этой надписи, предоставили ему достаточно убедительные основания, чтобы предположить, что время составления надписей подобного типа — приблизительно XIII в. н. э.²⁶

Примером удачного нахождения нужной этимологии благодаря учету закономерных звуковых соответствий некоторых родственных языков может служить истолкование слова *бу* в тексте одной из загадок Codex Cumanicus.

При чтении кыпчакской пословицы со словом *бу* как указательным местоимением, т. е. *bu bardı izi joh — ol ketä dir*, загадка лишена всякого смысла. Вот это-то обстоятельство и побудило А. Н. Самойловича попытаться дать ей свое объяснение. С этой целью он проанализировал пословицы в других тюркских языках. Оказалось, что в якутском языке бытует пословица, где говорится, что «кобыла пробежала и следа не оставила». Пословица навела ученого на мысль рассматривать *бу* как название животного, которым и оказалось слово *бубу* 'лось', 'олень'. Регулярное

²⁵ А. Н. Самойлович, Дополнение к предложенным Радловым и Томсеном переводам одного стиха Кутадгу-билиг, — «Вестник Научного общества татароведения», 1930, № 9—10, стр. 27—28.

²⁶ А. Н. Самойлович, Среднеазиатско-тюркские надписи на глиняном кувшине из Сарайчика, — ЗВРОАО, 1912, т. 21, стр. 038—047.

отражение согласного *б* в кыпчакском как *ш* закономерно дало кыпчакское *буу*, что вполне разрешило вопрос о содержании кыпчакской пословицы, которую ученый прочитал: *Буу барды, изи йох* 'олень (лось) пошел, следа нет' ²⁷.

Последовательное использование сравнительно-исторического метода дало А. Н. Самойловичу возможность разобраться в таком запутанном вопросе, как происхождение названия «Крым» ²⁸. По установившейся в тюркологии ошибочной традиции название «Крым» отождествлялось с существительным *кырым* 'ров', что и было зарегистрировано в известном словаре Л. З. Будагова. Привлекая данные различных тюркских языков и диалектов, сопоставляя звуковые формы слов с учетом звуковых соответствий, А. Н. Самойловичу удалось доказать, что слова *кырым* в значении «ров» не существует и не существовало, а имеется в некоторых тюркских языках, например в туркменском, слово *карым* с тем же значением и что собственное имя «Крым» не имеет к нему никакого отношения и должно быть объяснено исходя из каких-то иных данных.

Среди работ представителей сравнительно-исторического направления особое место занимают труды по установлению родственных отношений групп слов, чаще всего объединенных какой-либо семантической сферой. Наиболее надежным в смысле сохранения исконного лексического состава, как показали многочисленные исследования, оказываются существительные, обозначающие отношения родства, названия частей тела и предметов окружающей нас природы, имена числительные.

Как известно, исследование словарного состава оказывается во многих случаях обусловленным экстралингвистическими факторами, и в первую очередь историей общества, его культуры, хозяйственного уклада, о чем еще в 1895 г. писал М. М. Покровский ²⁹.

Для успешного исследования словарных групп в сравнительно-историческом плане ученый должен не только глубоко знать закономерные звуковые соответствия фонем одного родственного языка фонемам или вариантам фонем другого родственного языка в синхронном плане; он также должен превосходно ориентироваться в исторической фонологии тюркских языков и, следовательно, ясно представлять себе развитие и постепенное изменение фонологической системы в диахроническом плане.

²⁷ А. Н. Самойлович, К истории и критике Codex Cumanicus, — ДРАН-В, апр. — июнь, 1924, стр. 86—89.

²⁸ А. Н. Самойлович, Объяснено ли название «Крым»? — ИТОИАЭ, 1929, т. III (60), стр. 61—62.

²⁹ М. М. Покровский, Семасиологические исследования в области древних языков, — «Избранные работы по языковедению», М., 1959, стр. 61—170.

Он также должен отдавать себе полный отчет в закономерном соотношении значений исследуемых слов как в лексической системе данного языка, так и в сравниваемых языках. Наконец, он не сможет прийти к убедительным выводам в отношении исследуемой группы слов, если не будет достаточно глубоко ориентирован в истории данного народа, истории материальной и духовной культуры носителей соответствующих языков.

А. Н. Самойлович в полной мере владел всем этим обширным арсеналом знаний на уровне тогдашней лингвистики, что можно достаточно легко усмотреть из его различных работ.

Прежде всего необходимо назвать те лексические группы, которые привлекли внимание ученого и на изучение которых он направил свои усилия. Это имена числительные в тюркских языках, названия дней недели, так называемые запретные слова в лексиконе тогдашних казахской и алтайской женщин, служащие для обозначения близких родственников. Наконец, это слова, обозначающие предметы материальной культуры.

К тому времени, когда ученый стал заниматься числительными в сравнительном плане, эта часть речи была уже исследована достаточно хорошо, о чем можно судить по целой серии соответствующих работ.

Интерес к тюркским числительным, видимо, подогревался тем обстоятельством, что в этих языках числительные, обозначающие единицы, и числительные, обозначающие соответствующие десятки, имеют различные корневые морфемы; ср. тат. *ике*, кирг. *эки* — тат. *егерме*, кирг. *жыйырма*; тат. *биш*, кирг. *беш* — тат. *илле*, кирг. *элуу*. В этих условиях, когда исследуемая проблема имела почти столетнюю давность, ученому было трудно сказать что-либо новое; поэтому он на первых порах предпочел дать подробный итоговый разбор основных работ по этой проблеме с широким охватом конкретных фактов из современных тюркских языков³⁰. Однако то обстоятельство, что на эту группу слов было обращено внимание исследователя, свидетельствует о том, что исследование проводилось в рамках проблем, которыми занимается сравнительно-историческое языковедение.

Слова, составляющие семантическое поле дней недели, несомненно, представляют собой очень интересный объект исследования, так как их анализ дает обильный материал для суждения и выводов о духовной культуре носителей конкретного языка и об ее исторических связях с культурами других народов. Так, анализ названий дней недели в германских и романских языках раскрывает картину древнегерманского и римского пантеона и свидетель-

³⁰ А. Н. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», стр. 135—156.

ствуется о том, что каждый день недели как бы имел своего покровителя: ср. англ. *Wednesday* 'среда' — день, посвященный Водану-Одину, фр. *jeudi* 'четверг' — день, посвященный Юпитеру.

В славянских языках предпочтение отдается порядковому числу дня: ср. рус. *вторник, четверг, пятница*, польск. *wtorek, czwartek, piątek*.

Тюркские языки рисуют совершенно иную картину. При анализе названий дней недели А. Н. Самойлович исходил из предпосылки о материальном тождестве слов указанного семантического поля как языков генетически родственных. Исследование показало, что древним тюркам не было знакомо понятие недели. Наименьшей величиной времени, которое существовало у древних тюрков и которое представлено во всех современных тюркских языках, является слово *kün* 'день' в различных фонетических вариантах. Поскольку понятия «неделя» у древних тюрков не было, то и не существовало никаких слов — названий дней недели. Сравнительный анализ существительных данного семантического поля с полной наглядностью показал, что эти названия возникли в современных тюркских языках как результат многообразных исторических и культурных связей каждого отдельно взятого тюркского народа с соседними культурами — христианской культурой у тюркских народов Сибири, отчасти Поволжья, персидско-мусульманской, арабско-мусульманской у тюркских народов Средней Азии, отчасти Азербайджана и Восточной Европы, несторианско-сирийской у тюркских народов Сирии и Дагестана ³¹.

Систематизируя собранный материал по названиям дней недели в азербайджанских диалектах ³², А. Н. Самойловичу удалось выделить шесть районов на территории распространения азербайджанского языка, в которых исследуемые названия носят местный характер. К сожалению, причины, вызвавшие столь значительные расхождения, не были вскрыты А. Н. Самойловичем. А это могло бы дать весьма ценный материал для определения источников влияния соседних культур и установления проникновения этого влияния.

Даже в 30-е годы, когда А. Н. Самойлович живо интересовался «новым учением» о языке Н. Я. Марра и даже пытался применить его методы к исследованию тюркских языков, он все же не смог отойти от приемов исследования, разработанных сравнительно-историческим языкознанием. Об этом говорит, например, проведенное им исследование истории слов «богатый» и «бедный» в тюркских языках ³³.

³¹ Там же, стр. 113 и сл.

³² А. Н. Самойлович, Названия дней у азербайджанских турков, — «Яфетический сборник», 3, М.—Л., 1925, стр. 65—70.

³³ А. Н. Самойлович, *Богатый и бедный* в тюркских языках, — ИАН СССР, отд. обществ. наук, 1936, № 4, стр. 21—66.

Прежде всего следует отметить, что сама тема, которую разрабатывал ученый, — «история определенной группы слов», — безусловно входит в число проблем, которыми живо интересуется сравнительно-историческое языкознание. К сожалению, однако, раздел истории групп слов и отдельных слов всегда был отстающим в трудах представителей сравнительно-исторического метода. Далее, сам выбор слов, основанный на признании их генетической общности и учете закономерных фонетических изменений в процессе развития от древнейшего состояния до современности (ср. «богатый» — *bar* с вариантами по языкам: *bār, var, par, por*, и «бедный» — *yoq* с вариантами по языкам: *yōq, ʒoq, coq*), является следствием признания ученым основных положений сравнительно-исторического языкознания и приемов сравнительно-исторического метода.

На обширном материале литературных и фольклорных источников прослеживает А. Н. Самойлович историю развития этих слов. Примечательно, что исследование ведется не только со стороны формы слов, но также и со стороны семантики, причем делаются попытки, может быть и не всегда удачные, установить прямую связь между развитием формальной стороны исследуемых слов и развитием общественных форм. Так, А. Н. Самойлович устанавливает следующие этапы в истории развития каждой из избранных им групп слов: первый этап, когда исследуемые слова еще несут в себе «следы большой своей древности в виде некоторых признаков аморфно-синтетического строя и связанного с ним полисемантизма»³⁴, о чем якобы свидетельствует тот факт, что слова *bar* и *yoq* по своему значению могут быть одновременно и именами существительными, и именами прилагательными.

На втором этапе происходит образование производных слов с помощью аффиксов от первоначальных основ *bar-* и *yoq-*, что якобы связано с ростом классов в тюркском обществе. В течение этого этапа каждая из групп пополняется рядом новых слов, что, как считает А. Н. Самойлович, связано с «дальнейшим ростом классового начала» у тюркских народов. На третьем этапе в исследуемых группах появляются новые слова с теми же значениями, возникающие в речи господствующих классов продолжающего развиваться феодального общества. Многие из этих слов отражают различные хозяйственные и культурные связи их носителей со своими соседями. Наконец, четвертый этап, для которого характерно пополнение исследуемых групп словами арабского и персидского происхождения, связан с процессом внутреннего развития тюркских народов, усилением межгосударственных, политических, экономических и культурных отношений, главным образом с араб- и персоязычными странами.

³⁴ Там же, стр. 21—22.

Итак, изучение научного наследия А. Н. Самойловича приводит нас к выводу о том, что, несмотря на свое временное увлечение «новым учением» о языке, он стоял на позициях сравнительно-исторического языкознания. Используя сравнительно-исторический метод в своих исследованиях, ему удалось пересмотреть существовавшие до него классификации тюркских языков и, принимая во внимание все то новое, что стало известно в тюркологии со времени их появления, внести в них существенные изменения и дополнения. Учет длительной языковой традиции в условиях многократных политических и государственных сдвигов и потрясений в Средней Азии убедил его в существовании единого «среднеазиатско-турецкого» языка, периодизацию которого он разработал впервые. Использование строгих фонетических соответствий между отдельными тюркскими языками и группами языков создало возможность определить язык одного из ханских ярлыков XVII в., внести ценные исправления в тексты ханских ярлыков XIV в., успешно расшифровать «темные» места в древних текстах и, наконец, вскрыть историю отдельных групп слов на обширном фактическом материале современных тюркских языков.